

**«СИМФОНИЯ ВЛАСТЕЙ»: ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛИ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА
В ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ВОПЛОЩЕНИИ
СЮЖЕТА БЛАГОСЛОВЕНИЯ ДМИТРИЯ ДОНСКОГО
СЕРГИЕМ РАДОНЕЖСКИМ (НА МАТЕРИАЛЕ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XV–XX ВВ.)**

Е. В. Курничева

**"SYMPHONY OF POWERS": FEATURES OF THE MODEL
OF INTERACTION OF CHURCH AND STATE
IN THE HISTORICAL AND ARTISTIC EXPRESSION
OF THE PLOT BLESSING DMITRI DONSKOI SERGIUS
OF RADONEZH (ON THE MATERIAL
OF RUSSIAN LITERATURE XV–XX CENTURIES)**

E. V. Kirpicheva

Аннотация. Актуальность и цели. 2015 – год празднования 635-й годовщины победы русского народа на Куликовом поле. Это важнейшее событие в истории средневековой Руси во многом определило дальнейшую судьбу Российского государства. Сражение на Куликовом поле стало поворотным пунктом в борьбе русского народа против татаро-монгольского ига, оно оказало решающее влияние на создание единого российского государства, на утверждение русского национального самосознания. Цель работы – доказать духовное единение церковной и светской власти в грозные для страны времена посредством обряда благословения (на примере исторических фигур князя Дмитрия Донского и преподобного Сергия Радонежского). *Материалы и методы.* Материал исследования составили древнерусские летописные повести и роман Д. М. Балашова «Похвала Сергию». В качестве методов исследования применялся сравнительно-сопоставительный метод, метод интертекстуального анализа текста, нарративный метод. *Результаты.* В статье представлен сравнительно-сопоставительный анализ древнерусских летописей и повестей, отражающих события эпохи Куликовской битвы и доказывающих вероятность факта обряда благословения князя Дмитрия Донского преподобным Сергием Радонежским. Также показана взаимосвязь древнерусской (летописи, повести) и современной русской литературы (роман Д. Балашова), что актуализирует значение агиографической традиции в новейшей русской литературе. *Выводы.* В статье обобщена большая часть имеющегося на данный момент материала по выбранной теме, что дало возможность современного прочтения и интерпретации исторических и литературоведческих фактов о Куликовской битве и ее героях.

Ключевые слова: древнерусская летопись, благословение, агиографическая традиция, актуализация жанра, интертекст.

Abstract. Background. 2015 – the year of the celebration of 635 th anniversary of the victory of the Russian people on the Kulikovo field. This is the most important event in the history of medieval Russia is largely determined the fate of the Russian state. Battle of Kulikovo was the turning point in the struggle of the Russian people against the Mongol-

Tatar yoke, it has had a decisive influence on the creation of a unified Russian state, for the approval of Russian national identity. The purpose of this work – to show the spiritual unity of the church and secular power in the terrible times for the country through the rite of blessing (for example, historical figures of Prince Dmitry Donskoy and St. Sergius of Radonezh). *Materials and methods.* Subjects made old Russian chronicles the story and the novel DM Balashov «Praise Sergius.» As the methods of investigation used comparative-comparative method, the method of intertextual analysis of the text, the narrative method. *Results.* The article presents a comparative benchmarking old Russian chronicles and stories that reflect the events of the epoch Kulikov battle, and the likelihood of proving the fact of the rite of blessing Prince Dmitry Donskoy St. Sergius of Radonezh. Also shows the relationship of Old Russian (chronicles, stories) and modern Russian literature (the novel D. Balashov), which updates the value of the hagiographic tradition in contemporary Russian literature. *Conclusions.* The article summarizes most of the currently available material on the chosen theme, which allowed the modern reading and interpreting historical and literary facts about Kulikov battle and its heroes.

Key words: Old Russian chronicle blessing hagiographic tradition, updating the genre, intertext.

Внешним завоеваниям территории Руси посвящен целый ряд повестей, авторы которых в соответствии с типичной для средневековья исторической философией объяснение случившемуся искали в «божественном промысле», в наказании «за грехи». Но порой в произведениях, повествующих о нашествии и владычестве татар, давалось иное объяснение торжеству иноплемеников. Так, в летописном рассказе о разорении в 1283 г. Северо-Восточной Руси неожиданно реалистически раскрывается мысль о том, в чем состояли «грехи», карой за которые и являлось нашествие: «бог бо казнить человека человеком, тако сего бесерменина злого навел за нашу неправду, мною же и князей ради, понеже живяжу в которе». Таким образом, при объяснении причин татарского завоевания у русских писателей уже в XIII в. причудливо переплетались господствовавшие религиозно-эсхатологические представления с трезвым историческим чутьем, что истинной причиной побед завоевателей были княжеские распри – неизбежное следствие феодальной раздробленности [1, с. 62–63].

Вторая половина XIV – первая половина XV в. – время активного выступления Москвы как центра, объединяющего княжества северо-восточной Руси. Политическое и экономическое усиление Москвы началось во времена, когда московский великокняжеский престол с 1359 по 1389 г. занимал князь Дмитрий Иванович. Внутри Орды в это же время обострились междоусобные распри, что постепенно вело к ее ослаблению и благоприятствовало борьбе Руси с монголо-татарским игом. В начале осени 1380 г. на Руси случились события огромной исторической важности – «Русь Великая одолела Мамай на поле Куликове». Современники и участники Донского побоища не знали, наверное, как отзовется эта победа в народной памяти, как не ведал и сам великий московский князь Дмитрий, что навсегда останется за ним прозвание Донского. Историки уже нашего времени назовут эту победу «центральным политическим событием времен Дмитрия Донского» и будут писать, что «... иноземное иго потрясено победой на Куликовом поле» [2, с. 75–76].

События 1380 г. неразрывно связаны и с фигурой св. преподобного Сергия Радонежского (1314 г. или 1319–1392 гг.), который впоследствии был назван собирателем духовной мощи Руси, «светильником Веры», озарившим путь к ее государственному и политическому возрождению. Недаром, по словам одного из священников, «...в России... духовенство от лица Церкви много раз приходило на помощь государству в годину его тяжких бедствий... голос пастырей Церкви не раз спасал государство» [3].

Победа, одержанная русскими над монголо-татарами на Куликовом поле, не только произвела огромное впечатление на современников этого эпохального события в истории Руси, но и еще долго интересовала и волновала русских людей. В связи с различными взглядами на это событие оформились и стали известны исследователям различные по своему характеру и стилю произведения Куликовского цикла: документальная летописная повесть о Куликовской битве, подробно освещающее все события «Сказание о Мамаевом побоище», поэтическая «Задонщина» [4, с. 120].

«Сказание о Мамаевом побоище» – наиболее обширный памятник Куликовского цикла. В нем дошел до нас самый подробный рассказ о событиях Куликовской битвы.

В «Сказании...» дается описание подготовки к походу и «уряжения» полков, распределения сил и постановки перед отрядами их воинской задачи, а также подробно описывается движение русского войска из Москвы через Коломну на Куликово поле, дается перечисление князей и воевод, принявших участие в сражении, рассказывается о переправе русских сил через Дон.

Практически все произведения древнерусской литературы имеют в своем составе так называемые «темные места» – фрагменты текста, оригинальные мысли и идеи автора произведения, до сих пор не получившие толкования. На наш взгляд, есть такое место и в «Сказании...», и связано оно с сюжетом (а в некоторых исследованиях – легендой и даже мифом) благословения князя Дмитрия Ивановича преподобным Сергием Радонежским на Куликовскую битву.

Рассмотрим все найденные нами версии.

Так, например, в учебном пособии под редакцией Д. С. Лихачева указывается, что в «Сказании...» поход Дмитрия Ивановича благословляет митрополит Киприан, а на самом деле Киприана в 1380 г. в Москве не было. Это не ошибка автора «Сказания...», а литературно-публицистический прием. Из публицистических соображений автор «Сказания...», поставивший своей задачей нарисовать идеальный образ великого князя московского, правителя и главы всех русских сил, должен был проиллюстрировать прочный союз московского князя с митрополитом всея Руси. И в произведении литературном он мог, вопреки исторической правде, рассказать о благословении Дмитрия и его воинства митрополитом Киприаном, тем более что формально Киприан действительно был в это время митрополитом всея Руси [5, с. 237].

Однако в тексте летописной редакции повести «Сказание о Мамаевом побоище», перепечатанном по списку, опубликованному в книге «Повести о Куликовской битве» (изд. подготов. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига,

Л. А. Дмитриев. – М., 1959), читаем следующее: «Князь же великий Дмитрий Иванович, коим брата своего князя Володимера Ондреевича и все православных князи и воеводы ехаша к живоначальной Троице к преподобному игумену Сергею. И тамо шед благословение получи от всея обители святых. И моли его преподобный Сергей, дабы слушал у него святых службы, приспе бо день воскресения на память святых мученик Флора и Лавра (т.е. 18 августа). По отпущении же святых службы моли его преподобный со всею братьею, дабы у них вкусил от хлеба обителска. Великому же князю нужно есть: прииде весть ис поля, яко ближают погании. Моли же князь великий преподобнаго, дабы его отпустил без замедленна. И глагола ему преподобный: "Не уже бо постиже венец победе носити, но по минувших летех, ныне же мнози венцы плетутся". Князь же великий вкуси от хлеба обителска. Преподобный же в то время повеле воду свящати с мощей святых мученик Флора и Лавра. Князь же великий скоро востав от трапезы. Преподобный же старец окропи его водою и все любимое войско и дасть великому князю христово знамение, крест на челе и рече: "Поиди, господине, нарек господа бога, господь бог да будет ти помощник и заступник, имаеши победити супостата своего". Князь же великий прослезився проси от него дару. Он же рече: "Елико довлеет твоему государству, проси от мене, еже хочещи". И рече ему князь великий Дмитрий Иванович: "Дай ми два воина от полку своего, то и ты пособствуеши с нами". Он же рече: "Коих, господине?" Князь же великий рече о двою братех о Пересвете и о Ослебяти. Преподобный же скоро повеле им готовым быти своим ратником. Они же скоро сотвориша послушание преподобнаго. Он же скоро дасть им в тленных место, нетленное оружие, крест христов на скимах*, и повеле им вместо шоломов воздевати на себя, и дасть их в руце великому князю ркуще: "Се тебе мои оружницы, а твои изволницы". И рече им: "Мир вам, братия моя, постражите яко добрии страдалцы христовы". И дасть им христово знамение мир и благословение...» [6, с. 170–171].

Этот же эпизод благословения князя преподобным Сергием отражен и в «Житии Сергия Радонежского», написанном в 1418 г. Епифанием Премудрым. Мы приводим отрывок из текста жития, взятый из хрестоматии Ф. И. Буслаева (Русская хрестоматия: Памятники древней русской литературы и народной словесности. – М., 1888), где он был напечатан, по словам составителя, «по великолепной с миниатюрами рукописи» XVI в., принадлежавшей Троице-Сергиевому монастырю, с дополнениями по старопечатному изданию 1676 г. Текст сверен по оригиналу рукописи, которая ныне хранится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (Собр. Троице-Сергиевой Лавры, Ризница (ф. 304, III), № 21, 8663 [7, с. 192–193].

«Бысть убо богу, попушающе за грѣхи наша, слышно бысть, яко ординьский князь Мамай воздвиже силу велику, всю орду безбожныхъ татаръ, идет на русскую землю. И бяху вси людие въ страсѣ велицѣ утѣсняеми. Князь же великодержавный иже тогда скипетры русьскихъ странъ обдержа, достохвальныи и побѣдоносный великий Дмитрие... убо прииде ко святому Сергию, яко же велию вѣру имѣя къ старцу, вопросити его, аще повелитъ ему противу безбожныхъ изыть вѣдѣше бо мужа добродѣтелна суца и даръ про-

рочества имуща. Святыи же, яко услыша сия отъ великого князя, благословивъ его, молитвою вооруживъ, и рекъ: "Подобаеть ти, господине, пещися о врученномъ отъ бога христоименитомъ ти стаду. Поиди противу безбожныхъ и, богу помагающу ти, побѣдиши и здравъ во свое отечество съ великими похвалами возвратишися" ...» [7, с. 198–199].

Епифаний Премудрый изобразил святого на широком фоне общественно-политической жизни эпохи: Сергей Радонежский выступает как поборник идеи централизации русских земель вокруг Москвы, как вдохновитель Дмитрия Донского на Куликовскую битву: «Поиди противу безбожныхъ и, богу помагающу ти, побѣдиши и здравъ въ свое отечество с великими похвалами възвратишися». Он дает князю двух монахов – Пересвета и Ослябю, «мужества ихъ ради и полки умѣюща рядити», и те подают пример русскому воинству в битве с Мамаем. Агиограф сознательно подчеркивает связь святого с великокняжеской семьей: Сергей – духовный отец Дмитрия Ивановича, он крестит его сыновей, благословляет на борьбу с Ордой, содействует заключению мира между Москвой и Рязанью. Однако, по мнению ученых, для Епифания Премудрого его герой – прежде всего не политик, «князь Церкви», а молитвенник за землю Русскую, великий провидец и миротворец, символ духовного единства церкви и государства [8, с. 209–201].

«Сказание...» – это не только рассказ о Куликовской битве, но и произведение, посвященное восхвалению великого князя московского. Автор изображает Дмитрия мудрым и мужественным полководцем, подчеркивает его воинскую доблесть и отвагу. Все остальные персонажи произведения группируются вокруг Дмитрия Донского. Дмитрий – старший среди русских князей, все они – его верные помощники, вассалы, его младшие братья.

Но есть и другая точка зрения, историческая, относительно правдоподобия сюжета благословения князя Дмитрия Донского преподобным Сергием Радонежским на Куликовскую битву.

Так, например, автор публикации «Непрядва и неправда» Александр Меленберг [9] анализирует памятники древнерусской письменности, в которых отражены события 1380 г. (так называемый особый блок «произведений куликовского цикла»). Он отмечает, что победа на Куликовом поле, безусловно, является одним из самых значительных событий в истории России. Как и всякое явление подобного масштаба, с годами ее стали сопровождать всевозможные домыслы, добавления, «новые подробности», присочиняемые, как правило, с благими намерениями. В какой-то момент такие виртуальные факты вдруг выходят на первый план, делаются не просто историческим штампом, а непреложной истиной. В истории Куликовской битвы такого рода «истины» тоже встречаются.

Первыми из них по времени написания являются статья 1380 г. рогожского летописца и аналогичная ей по содержанию статья 1380 г. Симоновской летописи. По мнению специалистов, оба этих источника вошли в летописный свод 1409 г., т.е. их читали современники Куликовской битвы. При описании подготовки к походу и самого сражения имя Сергия Радонежского там не упоминается. Следовательно, ни о каком благословении им великого князя не идет и речи.

Второе по времени из сохранившихся свидетельств о событиях 1380 г. передает Новгородская 1-я летопись. Специалисты считают ее также восходящей к своду 1409 г. Сама же Новгородская 1-я летопись появилась в летописном своде 1448 г., следовательно, была создана в 40-е гг. XV столетия, когда со времени Куликовской битвы прошло уже более шестидесяти лет и живых свидетелей этого грандиозного события практически не осталось. И здесь о Сергии Радонежском не упоминается.

Третий по времени рассказ о Куликовском сражении нашел место на листах Софийской 1-й и (с почти аналогичным текстом) Новгородской 4-й летописей. Обе они восходят к общему протографу – Новгородско-Софийскому своду 30-х гг. XV в. Но при этом рукопись Софийской 1-й летописи датируется специалистами 1481 г. И в этом случае никаких живых свидетелей битвы 1380 г. нет.

Сто лет прошло, и в летописях впервые упомянуто имя Сергия Радонежского. Но совсем в ином контексте: «И тогда приспе грамота от преподобного игумена Сергия от святого старца, благословенаа».

И значит, никакого посещения в августе 1380 г. великим князем Дмитрием, будущим Донским, Троице-Сергиева монастыря и получения им личного благословения и напутствия от настоятеля старца Сергия в летописном источнике не было. А было письменное пожелание удачи, пришедшее на Дон 6 сентября 1380 г., за два дня до сражения.

Все вышеупомянутые произведения куликовского цикла относятся к историческим источникам.

Далее автор публикации обращается к литературным источникам и пишет, что в начале XVI в. появился прозаический литературный текст «Сказание о Мамаевом побоище» (рассмотренный нами в данной работе выше). Его автор уже вводит в сюжет массу фантазий и новых коллизий, способствующих созданию интриги в произведении. Вот здесь Сергей Радонежский уже благословляет Дмитрия Донского: и устно в Троицком монастыре, и письменно на Дону. Отсюда и черпают вдохновение все ныне говорящие о благословении великим старцем великого князя.

Из исторических источников известно, что отношения Дмитрия Донского и Сергия Радонежского, сложившиеся перед Куликовской битвой, не были такими, чтобы просить и получать благословение. Но в XV–XVI вв. возникла необходимость подвести под действия светской власти священную санкцию. Было ли это связано с завершением собирания русских земель и развитием идеи «Москва – третий Рим» или с окончательным освобождением от власти татар – сейчас сказать затруднительно. Но все же понятно, что возникновение легенды о благословении Дмитрия преподобным Сергием – это яркий пример большой политической акции.

Совершенно по-другому представляет расстановку героев по значимости для истории Руси писатель Дмитрий Балашов в романе «Похвала Сергию».

Следует заметить, что в новейшей русской литературе актуализировалось значение агиографической традиции, которая постепенно возвращается в эстетическое сознание автора и читательской аудитории, перемещаясь

из периферии к центру историко-литературного процесса, что, по словам Ю. М. Лотмана, определяет динамику культурного развития, литературной эволюции и практики читательской деятельности [10].

В историко-биографическом романе Д. М. Балашова «Похвала Сергию» сформировалась оригинальная концепция житийной литературы. Создавая свой роман и вычисляя хронологию жизни святого, писатель в отношении неточности источниковедческих указаний ссылается на опыт прожитой жизни, поэтому рецепция агиографии обосновывается «историко-художественным» подходом к текстовому материалу.

Древнерусская агиография для автора – сфера разрешения «клятых вопросов» о личности святого и государственной власти, о предельной степени влияния святого праведника на общество. Житийное сочинение о Радонежском, перелагаемое Д. М. Балашовым в историко-биографическом романе, воплощается в контексте русской исторической панорамы, фокусирует ключевые вопросы отечественной историософии. Из множества художественных произведений о Сергии Радонежском мы выбрали роман Д. М. Балашова потому, что особенность концепции истории, изложенной в романе, заключается в том, что время представлено не только в историческом течении, а разомкнуто между двумя полярными точками (XIV и XX вв.), т.е. максимально приближено к современности.

Необычный сюжет романа Д. Балашова «Похвала Сергию» требует необычной формы. Поэтому здесь присутствуют в большом количестве элементы древних жанров, использованные в заглавии, прологе и в самом художественном повествовании, а также сугубое и даже излишнее, как может показаться при первом взгляде, внимание к церковной идеологии, без чего, однако, книга эта попросту не могла бы состояться [11, с. 3]. И действительно, мы встречаем здесь элементы таких жанров, как Слово, Хожение, Житие, Молитва.

Для автора это произведение не было простым; оно потребовало от Д. М. Балашова титанических усилий.

Само название романа – «Похвала Сергию» – показывает влияние на него такого древнерусского жанра, как похвала или похвальное слово. Отметим, что обращение к этому жанру предполагало построение произведения по определенным канонам. Своеобразный характер авторской рецепции в «Похвале Сергию» нацелен на усвоение и восстановление древнерусской жанрово-стилевой традиции. Агиографический стиль – один из элементов канона, служащий наряду с традиционными мотивами распознаванию кода жанра, установлению типологических литературных связей и параллелей на интертекстуальном уровне, подключает читателя к соответствующему восприятию сюжета, героя и мирозобраза.

Стиль романа в отдельных, наиболее репрезентативных чертах родственен экспрессивно-эмоциональному стилю конца XIV–XV в. Писатель использует типичные приемы стиля «плетения словес» (перечисление признаков предмета, повтор слов и деталей, разложение в повествовании родовых понятий на видовые, градация, симметрия). Названные приемы позволяют автору романа более последовательно вести повествование, быть

внимательным к частностям, фиксировать их, наполнять особым значением [10].

На обращение к древнерусским словесным традициям прямо указывает и произнесенная автором в конце пролога поэтическая молитва: «Дай, Господи, обрести силы для задуманного днесь труда! Это не предисловие, это молитва. Дай, Боже Господи, мне, человеку неверующей эпохи, описать человека верующего! Дай, Господи, мне, грешному и земному, описать человека неземного и безгрешного. Дай, Боже, совершиться чуду! Ибо это подлинное чудо: суметь описать человека, столь и во всем и по всему высшего, чем я сам, человека, на такой высоте стоящего, что и поглядеть на него раз – уже закружится голова. Дай мне, Господи, поверить, а ведь я не верю, ничему не верю, что было с ним чудесного и чем был он сам. Не верю, но знаю, что был он, и был такой, и даже лучший, чем тот, что описан в «Житиях», ибо даже и в житиях не видно его дел духовных, его непрестанных дум, не видно света, исходящего от него, а лишь то, что освещал он светом своим. Видны плоды произросшие, и не видно, не дано увидеть творения плодов. Дай, Боже Господи, свершить невозможное! Дай прикоснуться благодати, дай прикоснуться хотя бы края одежды его! Ибо в нем – Свет, в нем – Вера, в нем и из него – моя Родина» [11, с. 5].

Таким образом, тонко сочетая в себе талант художника и филолога, умело используя древнерусские грамматические формы, лексику, диалектизмы, Балашов превратил язык своих книг в точный и чуткий инструмент для передачи духа и понятий эпохи средневековой Руси.

Мы привели множество примеров – исторических и художественных – и доказали: герои летописей и романа – люди действия, а не созерцания; и это главная черта людей той поры, да и сейчас она присуща лучшим представителям русской нации – труженикам, каким бы делом они ни занимались, помня об общем благе и величии своего народа. Д. М. Балашов считал своим долгом показать, что значительность человека вырастает из его ответственности за все..., когда он не одержим мелкими заботами, а соизмеряет себя с Родиной.

Вся жизнь и труды Преподобного Сергия стали делом духовной подготовки победы над Ордой на Куликовом поле. Именно Сергий примером своей собственной жизни и основанной им Святой обители дал возможность русскому народу укрепить свои нравственные силы, приниженные поработением и насилием. Духовным подвигом Сергия стало его благословение князя Дмитрия на битву с Ордой. И сегодня по праву среди великих исторических личностей Сергиевской эпохи первое место занимает великий князь Дмитрий Иванович, прозванный Донским. На протяжении многих лет он находился в духовном и политическом диалоге с преподобным Сергием. Русская православная церковь канонизировала его как самоотверженного борца за сохранение веры, главу православного воинства. Эти люди по-разному представляли будущее Руси; они ссорились и враждовали друг с другом. Но их многое и объединяло, ведь они играли свои роли в одной исторической драме, имя которой – Возвышение Москвы.

Справедливы слова Д. М. Балашова о том, что «... События зримые совершаются не сами собою, а всегда и везде под воздействием невидимых внешне, духовных («идеологических», как сказали бы мы) устремлений, и ростовчанин Варфоломей Кириллович, в монашестве Сергей, оказался волею судеб центральной фигурой того мощного духовного движения, которое привело Владимирскую Русь на Куликово поле и создало новое государство, Русь Московскую, на развалинах разорванной, захваченной татарами и Литвой, давно померкшей золотой Киевской Руси. И, оглядываясь теперь на то, чем мы были и как и когда появились на свет, неизбежно являются взору сперва – весь великий и трагический четырнадцатый век, потом, как острие копья или как гребень волны, – Куликово поле, и затем среди тьмочисленных лиц тогдашних деятелей высветляются, словно слепительные точки на острие копья, – Сергей Радонежский и Дмитрий Донской» [11, с. 3].

Список литературы

1. Краткий очерк истории русской культуры с древнейших времен до 1917 г. – Л. : Наука, 1967. – 653 с.
2. Сергеев, В. Рублев / В. Сергеев – М. : Молодая гвардия, 1991. – 255 с. – (ЖЗЛ).
3. Введенский, А. И. Церковь и государство: очерк взаимоотношений Церкви и государства в России 1918–1922 гг. / А. И. Введенский. – М., 1923. – 253 с.
4. Фокеев, А. Л. Начало всех начал / А. Л. Фокеев. – Саратов : Лицей, 2003. – 224 с.
5. История русской литературы XI–XVII вв. / под ред. Д. С. Лихачева. – М. : Просвещение, 1980. – 462 с.
6. Сказание о Мамаевом побоище (летописная повесть) // Древняя русская литература : хрестоматия / сост. проф. Н. И. Прокофьев. – М. : Просвещение, 1988. – С. 169–179.
7. Епифаний Премудрый. Житие Сергия Радонежского / Епифаний Премудрый // Древняя русская литература : хрестоматия / сост. проф. Н. И. Прокофьев. – М. : Просвещение, 1988. – С. 192–199.
8. Травников, С. Н. История русской литературы. Древнерусская литература : учеб. пособие для вузов / С. Н. Травников, Л. А. Ольшевская. – М. : Дрофа, 2007. – 510 с.
9. Благословлял ли Сергей Радонежский Дмитрия Донского на битву с Мамаем? – URL: <http://kornilovd.livejournal.com/20063.html>
10. Бычков, Д. М. Агиографическая традиция в русской прозе конца XX – начала XXI в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Бычков Д. М. – Астрахань, 2011. – URL: <http://cheloveknauka.com/agiograficheskaya-traditsiya-v-russkoy-proze-kontsa-xx-nachala-xxi-veka#ixzz3EAVuAajh>
11. Балашов, Д. М. Похвала Сергию / Д. М. Балашов. – М. : АСТ, 2008. – 842 с.

Кирпичева Елена Викторовна

кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой теории
и технологии дошкольного
и начального образования,
Социально-педагогический институт,
Мичуринский государственный аграрный
университет
E-mail: ttdino@mail.ru

Kirpicheva Elena Viktorovna

candidate of philological sciences,
sub-department of theory and technology
of pre-school and primary education,
Social Pedagogical Institute,
Michurinsk State Agrarian University

УДК. 821.161.1

Кирпичева, Е. В.

«Симфония властей»: особенности модели взаимодействия Церкви и государства в историко-художественном воплощении сюжета благословения Дмитрия Донского Сергием Радонежским (на материале русской литературы XV–XX вв.) / Е. В. Кирпичева // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2015. – № 3 (15). – С. 231–240.